

УСОЛЬЕ-СИБИРСКОЕ входит в когорту исторических городов России. Одна из страниц усольской истории связана с именем Николая Гавриловича Чернышевского – признанного вождя революционной демократии, философа, писателя и критика, историка и пламенного публициста.

В биографии Н.Г. Чернышевского Сибирь оставила глубокий след. Более семи лет провел он на каторжных работах в Нерчинских рудниках, а затем 12 лет – в Вилюйской ссылке. Тяготы и невзгоды сибирского периода не сломили могучего духа революционера и мыслителя.

Так получилось – и это навсегда отразилось в истории Усоляя – сибирская каторга Н.Г. Чернышевского началась на усольских солеварнях, снискавших себе к середине XIX века печальную славу. Тяжелейшими условиями

труда превратили ее в одно из наиболее известных в Сибири каторжных мест.

«Я приехал в Усолье 10 июля 1864 года, – писал Николай Гаврилович Чернышевский своей жене Ольге Сократовне, – с этого дня считается начало срока моей каторги».

Не так много осталось документальных свидетельств о пребывании Н.Г. Чернышевского в Усолье, но кое-что все-таки сохранилось. Опираясь на эти документы, редкие свидетельства очевидцев, давайте вернемся на полтора века назад, в 1864 год к событиям, без которых просто не представить во всей полноте биографию замечательного человека, выдающегося мыслителя и борца.

12 дней на острове Варничном

З агнать курьерских лошадей нелегко, но фельдьегер, возглавлявший конвой Чернышевского, гнал коней и в хвост, и в гриву. Остановки случались редкие, чаще всего в малолюдных местах. Но и при этом делалось все, чтобы секретный узник не мог перебраться парой слов даже со случайным человеком, оказавшимся на почтовой станции. Укорять жандармского чина за лихую гонку было бесполезно, хотя иногда казалось, что он по-настоящему имел инстинктивную, предписывающую просто-напросто замочить своего узника еще по пути в Сибирь.

Жандармы и сами страдали от сквернейшей дороги, но коней гнали почти без остановок. Таким был строгий приказ. За их гонкой внимательно следили в Петербурге, а стоило казенным повозкам пересечь границу очередной губернии, как теряло покой и местное начальство. Страх был общим. И в столице, и в губернских городах боялись, что вождь революционных демократов и по дороге в ссылку найдет возможность сесть смуту. Вот почему губернаторы и начальство пониже рангом стремились побыстрее отправить дальше опасного для них узника, чтобы не нести за его судьбу ответственности. Между собой они и не называли его иначе, как государственный преступник.

В бумагах личного дела значилось, что «бывший отставной титулярный советник за злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению, за сочинение возмутительного воззвания к барским крестьянам и передачу одного для напечатания в видах распространения Чернышевский по высочайше утвержденному мнению Государственного Совета лишен всех прав состояния, сослан из С-Петербурга в каторжную работу на семь лет...». Вот почему неистовствовали жандармы, загоняя лошадей на тряской, временами попросту терпящей из-за распутицы дороге, громко именовавшейся Московским трактом.

Дорожные тяготы немного скрашивали картины природы. Стояли жаркие летние месяцы, и сибирская природа раскрывалась во всей своей красоте. Временами открывались просто изумительные места, поражающие простором и величием. Увиденное радовало взор, а на душе было неспокойно. Ужасная тряска, от которой порой казалось, раскалывается голова, не могла отодвинуть картины ареста и суда, заставляя пережить. Приходилось прикрывать веки, спасаясь от слепящего солнца, а в памяти вставали петербургские события, крото перевернувшие жизнь. Николай Гаврилович пытался отогнать их, думал о дне завтрашнем, но память брала свое.

Ровно два года назад захлопнулась за ним дверь камеры Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Арестовали его дождливым июльским днем, столь обычным для Петербурга.



– В таком случае прошу в кабинет, – и хозяин стремительно скрылся за шторой.

Полковник растерянно таращил глаза, не зная, куда пойти, чтобы попасть в кабинет. Чернышевский тем временем успел уничтожить несколько важных бумаг. Он сразу узнал полковника Ракеева, приобретшего печальную славу в связи с убийством Пушкина. В тридцать седьмом Ракеев, будучи жандармским капитаном, отозвал в Тригорское гроб с телом Пушкина. Николая Гавриловича он нашел в кабинете разбивавшим рукописи.

– Поп-пра-ашу ничего не трогать, – от недавней растерянности Ракеева не осталось и следа. – Смену белья, если желаете, приватите.

Полковник Ракеев сел в казенную повозку вместе с Чернышевским, и карета прогренела сквозь Питербург, разбрызгивая лужи, прямоком в крепость, в Алексеевский равелин...

Началось томительное тюремное заключение. Достаточных улик, серьезных юридических доказательств вины не имелось, да и быть не могло. Жандармы лезли из кожи, чтобы доказать виновность Чернышевского. Изобретали «секретные» бумаги, выискивали свидетелей. Все, что ими

ботоспособность в литературной и научной деятельности. Им за это время было написано свыше 200 авторских листов различного текста и среди них знаменитый роман «Что делать?». По недосмотру следственной комиссии и цензуры он был передан Н.А. Некрасову и напечатан в «Современнике». Этот роман о новых людях буквально потряс всю читающую Россию. Он стал как бы моральным и политическим завещанием автора, его наказом современным и новым поколениям революционеров.

Семена свободы посеяны уже в Саратовской гимназии, в которой после окончания университета он в течение двух лет работал старшим преподавателем русской словесности. «Я делаю здесь такие ваши, – писал он в ту пору, – которые пахнут каторгой». Вернувшись в 1853 году в Петербург, Чернышевский целиком отдался широкой научной и общественно-политической деятельности. Он начал печататься в «Отечественных записках», а осенью 1853 года после знакомства с Н.А. Некрасовым стал его ближайшим сотрудником в «Современнике», где, по выражению В.И. Ленина, он умел и «подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров».

хотя физически сильно страдал. К кандалам понемногу притерпелся, мучили неизвестность, неопределенность завтрашнего дня. Мысли то возвращались к последним петербургским событиям, то уносились в даль, и он пытался представить, что ждет впереди.

Вспоминая Петербург, никак не мог отрешиться от чувств, испытанных во время «гражданской казни». Александр II пошел на этот шаг, чтобы таким образом лишний раз унизить ненавистного революционера. На Мытинской площади его подняли на эшафот и совершили у позорного столба «гражданскую казнь». Но ликование палачей, объявлявших, что с этого часа Чернышевский лишается всех гражданских прав, оказалось преждевременным. Сурово молчала людская толпа, и вдруг из нее к ногам узника бросили скромные букетики цветов. Ярости жандармов не было предела, но люди стояли тесно, стеной, плечо к плечу. Попробуй, узнай, кто бросал цветы, вызвав тем самым истинное негодование всех собравшихся на площади к гордому узнику.

Повозку нещадно колотило на сибирском бездорожье. Чернышевский, зажатый с обеих сторон жандармами, старался не терять присутствия духа. Да, не о такой встрече с Сибирью он мечтал... Вспомнилось, с каким интересом лет восемь назад встретил он новую книжку, вышедшую в петербургском издательстве. Это были записки не так давно основанного в Иркутске сибирского отдела Русского географического общества. Трудно было удержаться, чтобы не дать публичной оценку нашему земляку. «Распространение сведений о таком крае, какова Сибирь, – писал Чернышевский, – еще мало описанная и исследованная страна с огромной будущностью впереди, есть дело, имеющее все права на внимание и сочувствие образованной публики». Вспомнив о той своей рецензии, Николай Гаврилович невольно улыбнулся: пророческой оказалась оценка.

Ближе к Иркутску мелькание дней слилось в нечто единое, почти неразличное. Быстрая смена лошадей, короткий отдых, дорожный чай – и все в спешке, суете, секрете. И так на каждой станции. Николай Гаврилович знал, что Иркутск не был конечной целью его «путешествия». Он отлично представлял, что в сибирской столице его не ждут с распростертыми объятиями. Понимал, что в Иркутске, центре сибирской ссылки, решится главный для него вопрос: будет названо место каторги.

Предположения не обманули Чернышевского. Конвою предстояло еще мерить и мерить дорожные версты, а иркутское начальство потеряло покой. Здесь так же, как и на берегах Невы, неслись о судьбе «государственного преступника». Опасения были настолько большими, что губернское начальство сразу никак не могли прийти к единому мнению. Предлагались разные адреса и тут же отвергались. Велик был страх губернского начальства, что столь нежелательный для них человек и здесь начнет сеять смуту.

Споры не прекратились и после прибытия Чернышевского. Его лишь постарались поскорее упрятать в городскую тюрьму, усилив охрану. В тюремной одиночке под неусыпным оком охраны пришлось Чернышевскому пробыть в неведении еще семь суток. Из-за томительного ожидания своей судьбы и долгожданной отдышки после изнурительной дороги не принес особого облегчения.

На седьмой день, когда страсти среди иркутского начальства сравнялись с июльской жарой, генерал-губернатор Шелашиков принял решение отпустить ненавистного узника на солеваренный завод в Усолье.

– Но ведь это совсем рядом с Иркутском? – этот немой вопрос губернатор одновременно прочел в десятках глаз своих подчиненных.

– Не мешкая, отправьте в Усолье, – Шелашиков повторил свои распоряжения и, секунду помолчав, добавил, – до особого распоряжения.

Генерал-губернатор колебался, не зная, как поступить. Принимая решение об отправке Чернышевского на усольскую каторгу, он выигрывал время, чтобы окончательно заточить ненавистного узника в самой далекой глуши.

Чернышевский, конечно, мог лишь догадываться о той смуте, которую он вызвал в Иркутске своим появлением. Известие о солонном заводе встретил спокойно, внешне даже равнодушно. «Пусть будет Усолье, – подумал про себя. – Выбирать не приходится. Зато охранникам пошлито не весело: – Нищему собраться – лишь подпоясаться.

Действительно, долгих сборов не потребовалось. И вскоре конвойная повозка пылила по иркутским улицам в сторону уже знакомого Московского тракта. Конвойные на этот раз были более разговорчивыми, чем прежде. Среди них оказались и местные. И хотя строгий приказ запрещал общаться с «государственным преступником», старый солдат, с молчаливого согласия жандармского начальника, скупо, в меру своих знаний, отвечал то на один, то на другой вопрос своего подневольного пассажира.

– Государева каторга на солеваренном заводе, – не без жалости вел свой рассказ старый солдат, – дешева в Усолье арестантская кровь. Не приведи господь попасть к варничам. Измаешься, забудешь обо всем на свете.

Старый солдат говорил о том, что видел собственными глазами, сопровождая невольников на солоную каторгу. Многие им было подмечено верно и точно. К тому времени (начало 20-х годов XIX века) слава об Усольском заводе широко разошлась по всей Сибири. Знали Усолье не столько как место богатейших запасов соли, сколько как место ужасной каторги. Были в Сибири и другие места, где гноили людей, но солонная каторга по своим условиям оставалась их далеко позади.

Не случайно видный исследователь Сибири тех лет С. Максимов, побывав в Усолье, отнес солеварню к каторге первой категории. В своем дневнике он писал: «Соляная каторга вся тяжела, тяжела она больше всего для организма, которому представляются многотрудные задачи. В заводах, построенных на старом образце, черно и грязно, старо и грубо. Редкий рабочий выдерживает больше двух месяцев. Многие уходят в госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмом, тифом...». Неудивительно, что на солеварнях применялся в те годы лишь труд ссыльнокаторжных. Свободных людей и калачом сюда было не заманить.

К концу дня конвой добрался до Усоляя. Заводское начальство уже знало, что к ним направлен видный «государственный преступник». Распоряжения относительно встречи Чернышевского были отданы. В заводской конторе его поджидал штабс-капитан Борисоглебский, комендант надзора над политическими узниками. Формальности с оформлением документов оказались недолгими. Не прошло и часа, как Чернышевский в сопровождении Борисоглебского шагнул к казарме, отведенной для политических ссыльных.

Николай Гаврилович с интересом осматривал новое для себя место. Постройки, сбегавшие, к Ангаре, мало чем отличались одна от другой. Дома выходили на улицу небольшим фасадом с двумя, реже – тремя, окнами, все остальные постройки прятались за плотным забором. Чувствовалось, что леса не жалели: большинство крыш и даже заборов оказались из плах или тесовых досок. На общем фоне несколько строений выделялись своими размерами, и по всему было видно, что выстроены они для казенной нужды.

Многое хотелось выяснить, но Борисоглебский шагнул к неприступному виду. Вряд ли бы он разговорился. Впрочем, и времени для объяснений не оказалось. Улица уперлась в небольшой мосток, а за ним виднелся казарм, обнесенные забором.

– Вот и добрались, – усмехнулся Николай Гаврилович.

Борисоглебский, словно чувствуя мысли Чернышевского, показал рукой на видневшиеся строения.

– Здесь и будете квартировать. Не дворец, но жить можно. – Штабс-капитан, будучи верным служакой, старался избегать резких слов.

Казарна, куда привели Чернышевского, оказалась пустой: у ее обитателей еще не кончился рабочий день. Солдат-стражник, далеко не воинственного вида, молча выслушал штабс-капитана, взял связку ключей и также молча двинулся в сторону одной из

«На Усолье порядки жестоки»

Известный сибирский поэт Анатолий Ольхон, знакомясь с историей ссылки Н.Г. Чернышевского, выделил для себя и «усольский период». Так родились стихотворные строки, создающие картину Усоляя второй половины XIX века. И вот как поэтическое воображение нарисовало сцену прибытия на солеварню «государственного преступника» Н.Г. Чернышевского.

От Московского тракта поодаль;
За увалы дорога идет.
Там кресты на могильных колодах,
И внизу солеварный завод.

не вспомнить,
Все давно покосилось кругом.

Арестантские камеры, клетки,
Кордегардия, будки, посты...
Жарко дышат полные степи.
Пахнет дымом смолистым, густым.

Неприятное брезжит раздолье
Сотню лет – и вчера, и поднес.
Это старый поселок – Усолье,
Государева каторга здесь...

Полыхают на варничках печи,
Ядовитый туманится чад.
Истомились, измаялись плечи,
А насосы скрипят и скрипят.

Сторона ты лихая, чужая,
О тебе прокатилась молва:
– На Усолье рассол дорожает,
Арестантская кровь дешева.

На Усолье порядки жестоки,
Возле варниц и дной, и ночуй.
Раза два не ослишь «уроки»
И под розги пойдешь к палачу.

Каплет пот в соляные растворы,
СОЛЬ застыла на выбритых лбах...
Возле флигеля главной конторы
Жестяные орлы на столбах.

Вьется пыль среди башен дворовых,
Караульный заснул инвалид.
И не видит, как тройка почтовых
Подкатила к крыльцу и стоит.

– Эй, проснись!
Из телеги проворный
Конвоир соскочил с облучка,
А за ним вылез пыльный и черный
Арестант бородатый, в очках.

Оглядывая вокруг безразлично,
Будто видел Усолье давно,
Подтянул кандалы непривычно,
У крыльчика присел на бревно.

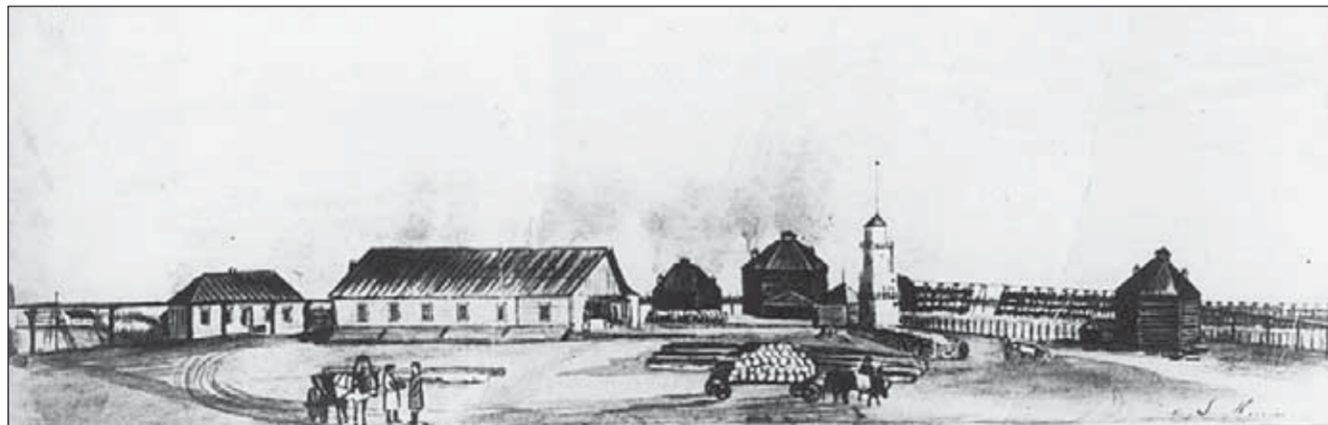
А жандарм к инвалиду с попреком:
– Что ты дремлешь?
Где твой коммандант?
Иль не видишь, везет из далека.
Государственный наш арестант,
Шевельсь!

казарм. Чернышевский понял, что ему надо следовать за стражником. Лишь открыв дверь камеры, стражник бросил единственное слово:

– Хозяйству!

Чернышевский, пригнувшись в дверях, шагнул в небольшую комнатку. Сразу вспомнилась одиночка Петропавловской крепости, но здесь по всему было видно, что живут узники артелью. Обстановка в номере была обычной: то ли полаты, то ли кровати, небольшой шкаф, табурет. Стола не было. Выглянув в коридор, Чернышевский увидел стол – общий для всех обитателей казармы. На сердце стало легче, будет среди людей.

Борис Краинский
Продолжение следует



Станислав Катерля, находившийся с группой ссыльных поляков на солонной каторге, в карандашных набросках запечатлел различные уголки Усоляя середины XIX века

Дул ветер, но свежести не приносил. Лишь сильнее подчеркивал сырость. Николай Гаврилович жил в доме на Большой Московской, на первом этаже, окнами на улицу и окнами во двор. Время было токсичное. Несмотря на сырость, на петербургских улицах стояла духота. Глухо и душно было и на сердце, сдавленном тоской. Это чувство держалось стойко. Цензура приостановила «Современник», Ольга Сократова с детьми недавно уехала в Саратов.

Седьмого июля, в субботу, вскоре после полудня требовательно прогремел дверной звонок. На пороге появился жандармский полковник, приземистый, с мутно-воспаленными белками глаз.

– Мне нужен господин Чернышевский.

– Чернышевский – это я. К вашим услугам, – Николай Гаврилович весь внутренне собрался, пытаясь выиграть время.

– Мне нужно поговорить в ваши наедине.

подсовывалось, молча проглатывалось в Государственном Совете. Очень уж хотелось побыстрее расправиться с неудобным, сломить его бунтарскую волю. Но быстро не получалось: следствие затянулось почти на два года.

Лишь 7 февраля 1864 года Чернышевский узнал приговор сената. В нем значилось, что бывший отставной титулярный советник за злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению, за сочинение возмутительного воззвания к боярским крестьянам и передачу одного для напечатания в видах распространения лишается всех прав состояния и должен быть выслан из столицы на каторжные работы. Царь под давлением общественного мнения срок каторги несколько уменьшил: семь лет.

Тюрьма не могла сломить волю Николая Гавриловича, отказываться от борьбы, складывать оружие он не собирался. Пока шло следствие, Чернышевский продолжал упорно трудиться, продемонстрировав титаническую ра-

В журнале «Современник», ставшем трибуной русской революционной демократии, были опубликованы все важнейшие работы Н.Г. Чернышевского, начиная от «Очерков гоголевского периода русской литературы» и кончая романом «Что делать?». Они поставили его во главе русского освободительного движения тех лет – периода революционной ситуации в России конца 50-х – начала 60-х годов XIX века и сделали одним из крупнейших социалистов, философов и экономистов.

...Фельдьегер, возглавлявший конвой, оказался истинным служакой. Неистовствовал, чтобы выполнить строгий приказ. Дорожных тягот с лихвой пришлось хлебнуть и конвою, но надеяться на послабление, короткую передышку от стремительной гонимости не приходило. Вскоре и почтовые станции стали мелькать, как верстовые столбы. Скорее, скорее, в сибирскую глушь, подалее от столичного многолюдья.

Николай Гаврилович старался не выдать своего душевного состояния,



Одна из карандашных зарисовок усольских каторжан, сделанная летом 1864 г. В левом углу запечатлен Н.Г. Чернышевский. Автор зарисовки Александр Сохачевский с группой поляков был сослан в Усолье, где встретился с Н.Г. Чернышевским. Свои зарисовки в качестве эскизов художник использовал при работе с известным полотном «Процесс в Европой». Позже им по усольским наброскам был написан маслом и портрет Н.Г. Чернышевского, который хранится в Варшаве